

РИТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (ДРАМАТУРГИЯ РИТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА)

© 2004 А.В.Олянич

Волгоградский государственный педагогический университет

Статья посвящена анализу лингвосемиотических параметров ритуальной коммуникации. Рассматриваются ритуальное событие и его структуризация в речевом поведении индивида, исследуются закономерности вербализации ритуально-значимых элементов коммуникации в ритуальном дискурсе, изучается репертуар вербальных и невербальных средств ритуализации коммуникации.

Поведение человека внутри коммуникативной ситуации в той или иной степени связан с ритуалом или проявляет себя в ритуале. Социально значимые периоды коммуникативной деятельности есть не что иное, как события или вехи (пики) социальной активности, обладающие значимым эмотивным потенциалом. События трансформируются в непрерывный поток (континуум), который с течением времени перестает быть стихийным и становится регулярным, повторяемым, а стало быть – до определенной степени управляемым. Повторяемость становится той характеристикой, которая ведет к ритуализации событий, а затем – к формированию ритуала в разных его формах. Задача, решаемая в данной статье – рассмотрение лингвосемиотического механизма, управляющего процессом ритуализации событийного континуума, который, как мы полагаем, определяет вид и тип ритуальной коммуникации вообще.

Для того, чтобы стать ритуалом, событие должно пройти ряд стадий развития и иметь ряд параметров, которые должны сыграть роль эмотивных аттракторов для человека, чтобы спровоцировать повторяемость (рекурсивность) события.

Прежде всего, оно обязано быть жизненно важным для человека и воздействовать на его существование максимально, дабы заставить его вернуть событие по его завершении, т.е. сделать его цикличным. Канал воздействия на человека, таким образом, постоянно открыт, будучи подпитываем сугубо эмоционально. Закрепление события в социальной сфере Homo Sapiens возможно после того, как само событие им когнитивно перерабатывается и включается в его последующий социальный опыт. Этот процесс проходит ряд стадий: событие получает ментальную раскодировку, распадается в сознании

человека на компоненты; компоненты события анализируются и оцениваются; оценка событийных компонентов должна обязательно иметь знак «плюс», в противном случае рекурсивность события невозможна. Даже в том случае, когда событие носит негативный характер (например, смерть человека и его захоронение), и его повторяемость никак не зависит от воли Homo Sapiens, вектор положительной оценки направляется на самодеятельность человека (в случае с похоронами он отдает свой последний долг собрату по роду и виду и потому «хорош для себя самого»).

В результате ментальных операций анализа и синтеза в событии вычлениваются наиболее яркие и привлекательные компоненты, которые в последующем намеренно отыскиваются человеком; событие как бы подготавливается к очередному повторению в силу его позитивности, а человек предвкушает (прогнозирует) его повторение. Прогнозирование события представляет собой особую – сценарную – деятельность человека, который соединяет позитивно пережитые компоненты события в единую последовательность, которую он в будущем планирует повторить. Повторение события мотивируется (определяются причины, по которым событие нуждается в повторении; на самом деле, вектор необходимости в повторении события сугубо эмоционален и эгоистичен – человек нуждается в очередном позитивном переживании события вновь и вновь).

Освоенное опытом человека событие вводится им в поле нормы – оно включается в коллективный опыт социума и определяется как необходимое к повторению всем социумом; с течением времени и определением всех компонентов семиотического простран-

ства, удобного для развертки события, человек закрепляет событие как нормированное, т.е. происходит перекодировка окказионального события, взятого во всей совокупности его компонентов, в регулярное и освоенное.

Рекурсивность события как нормированного и освоенного комплекса поступков и действий коллектива в дальнейшем ведет к формализации самого процесса. К событию прикрепляется место его протекания, событие становится топологически обусловленным. Определяются границы протекания события, выявляется список задействованных в событие символов и знаков. Затем вводятся правила повторяемости события или событий, регламентируется его (их) цикличность, мотивируется такая регламентация. Регламентируется ход события, определяется репертуар действий, составляющих событие или сопровождающих его. Здесь вводятся правила хода события и налагаются ограничения на сам ход. Важным компонентом такой регламентации является определение ролевой структуры события: определяются участники события и их роли в ходе действия. На этом же этапе осуществляется предписание разрешений и ограничений на совершение участниками событийных действий. Событие вербализуется, т.е. уточняется его лингвистическая составляющая. Устанавливается зависимость успешности реализации события от его лингвистического обеспечения («что и как необходимо сказать, чтобы событие успешно протекало и успешно завершилось»). Событию придается статус аттрактора: для того, чтобы воздействовать на эмоции социума, оно должно стать визуально выразительным и эмотивно заряженным. Событие драматизируется и приобретает презентационные характеристики (театрализуется) для максимального воздействия на социум.

Наконец, с течением времени событие освобождается от ряда своих компонентов, которые оказались малосущественными в смысле воздействия, и регулярно повторяется в «очищенном» виде, т.е. в совокупности тех компонентов, которые выдержали проверку временем как обладающие максимальным эмотивным (воздействующим) потенциалом. Чем больше промежуток времени, отделяющий синхронное состояние события от его первородного вида, тем сильнее его мифическая составляющая, тем скорее событие становится ритуалом.

Таким образом, в результате процесса ритуализации событийный континуум приобретает

разнообразные формы, в рамках которых протекает коммуникативная (поведенческая) деятельность человека. Такая деятельность именуется нами *ритуальной коммуникацией*.

Целью ритуального поведения является удовлетворение потребности человека к исполнению самого ритуала. Эта потребность всегда являлась и является ни чем иным, как самовыражением и самопрезентацией: некоторые исторические фильмы доносят до нас пышность триумфальных церемоний римских императоров: обилие золотых украшений, оружия, красивых и дорогих тканей, колесниц, украшенных цветами коней – все это содержало message для общества о могуществе императора, его таланте воина и государственного деятеля.

Ритуальная коммуникация часто характеризуется театральностью. Под ее влиянием проходят не только культурные, но и политические мероприятия. Специалисты в области public relations (например, [Почепцов, 2001]) утверждают, что выступления перед большой аудиторией должны напоминать нам театр. Футбольный матч открывается торжественным ритуалом: играют государственные гимны или гимны команд, а сами команды выстраиваются друг перед другом; капитаны обмениваются рукопожатием друг с другом и с судьями. Затем разыгрывается действие, а зрители-болельщики реагируют на него свистками, хлопками, декламацией лозунгов. Аудитория является обязательным элементом перформанса. Исследователи подчеркивают как одну из характерных черт ритуала – четкое разграничение участников и публики, где от последней ожидается традиционный репертуар реагирования [Володина, 2001, 265]. Например, при посещении театра, даже если нам не очень нравится пьеса, мы аплодируем, так как этого ожидают артисты.

В обществе всегда были определенные утрированно-перформансные коммуникационные роли. Мы называем их таковыми, поскольку для их выполнения требовалось определенное «отклоняющееся поведение». Это роли юродивого и шута. Юродивый не наказывался за свое поведение, так как считалось, что через него говорит Бог. Поэтому юродивые имели возможность говорить царям нелестную правду. Таковую же

функцию выполняла перформансная роль шута, которая позволяла увещевать короля и давать ему советы. Часто королевские особы больше доверяли своим шутам, чем прочим придворным. Сбой в ритуальной коммуникации подчас так же важен, как и сама цель подобной коммуникации: когда королеву Елизавету забрасывают яйцами в момент ее ритуального передвижения в автомобиле, это вольно или невольно привлекает внимание, как к самой персоне, так и к самому ритуалу. Смысл девиантного поведения - в привлечении внимания к самому ритуалу и в обеспечении социуму возможности утвердить свои политические ориентиры.

Целью ритуальной коммуникации, таким образом, является обеспечение регуляции социальной психики аудитории, сохранение традиций и формирование новых, создание положительного имиджа, поддержание договорных отношений в деловом мире. Ритуальная коммуникация протекает в рамках и условиях художественно оформленной пространственной среды, носит церемониальный характер акций, опирается на национальные, территориальные, профессиональные нормы и обычаи. Следовательно, ритуальная коммуникация имеет место лишь только в том случае, если коммуниканты имеют общие когнитивные основания, понимают друг друга, говорят на одном языке и имеют общий социальный опыт.

Для того, чтобы ритуальная коммуникация состоялась (была реализована), необходим некий алгоритм, которому будут подчиняться процессы коммуникации ритуализованного типа. Формулируя этот алгоритм, будем исходить из понимания коммуникации Г.Г.Почепцовым как обмена информацией, а точнее – как процесса «перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы», а также как «принуждение другого к выполнению того или иного действия» или «переход от говорения Одного к действиям Другого», ради чего «реализуется передача значений между двумя разными автономными системами, которыми являются два человека» [Почепцов, 2001, 14]. В такой трактовке коммуникации обнаруживается наличие неких коммуникативных интенций, цель которых – формирование *когнитивной коалиции*. Последняя предполагает наличие готовности у обоих коммуникантов к сотрудничеству и понимания в процессе предполагаемой совместной деятельности. Главной задачей, стоящей перед

коммуникантами, является намерение сделать такой когнитивный контакт постоянным, регулярным и традиционным, а стало быть, этот контакт должен приобрести черты повторяемости, четкой последовательности предполагаемых событий и действий, т.е. приобрести черты процедуры или ритуала. Общение приобретает характер ритуальной коммуникации.

Вслед за налаживанием первичных контактов происходит отладка механизмов такой коммуникации. В этом процессе первоочередной задачей коммуникантов является поиск и нахождение кода самой коммуникации, общего для обоих, то есть обе общающиеся системы должны оказаться конгруэнтными – максимально совпасть по интересам, действиям и пр.

Во-первых, процесс поиска кода складывается из *определения формата общения*. В понятие «формат общения» включается определение последовательности коммуникативных действий, репертуара этих действий и неких правил, согласно которым коммуниканты должны выстроить свой обмен информацией. Ясно, что этот обмен должен быть понятен двоим и совсем необязательно, чтобы он был понятен многим. Поскольку в понятие «двое» может включаться не только индивид, но и сообщества – группы, то в формат общения должно входить и такое понятие, как «режим общения» или «уровень общения». В дипломатическом протоколе этот элемент формата известен формулами типа «встреча на уровне министров иностранных дел», «переговоры в режиме консультаций экспертов» и т.д. В последнее время всеобщая демократизация межкультурного общения скорректировала набор форматов дипломатии, что выразилось в появлении таких, ранее неприемлемых форм, как «встреча без галстуков» первых лиц государств или встреч в формате «один на один без переводчика». Формат включает в себя иерархию персоналий, наличие или отсутствие которых определяет успешность или неуспешность реализации самого формата коммуникации.

Важной характеристикой формата общения в рамках ритуальной коммуникации оказывается его регулярная повторяемость в ригидно определенных рамках *процедурно-*

сти. Форма общения должна быть раз и навсегда определенной, дабы стать понятной (когнитивно привычной) для обеих сторон коммуникации. Важными компонентами формата общения становятся «место» и «время»: процедура должна состояться в удобном для коммуникантов пространстве и в удобный или подходящий момент времени. В дипломатической коммуникации – это привязка к месту пребывания властной персоны (проведение протокольных мероприятий президента США в Белом Доме или его загородной резиденции Кемп-Дэвид) и протокольное расписание приемов (прием послов накануне празднования Дня Независимости США 4 июля). Наконец, формат общения в ритуальной коммуникации предполагает определение степени публичности контактов. Как отмечают многочисленные исследователи ритуальной коммуникации ([Карасик, 2002]; [Ритуальное пространство культуры, 2001]; [Чертов, 2001]), сам по себе ритуал представляет «действие для посвященных» и по определению носит закрытый или полужакрытый характер. Если на самых первых стадиях истории развития ритуального общения ритуалы носили именно такой – закрытый и секретный – характер (собрания масонов и различных религиозных сект, закрытость манипуляций жрецов в секретных пределах храмов и обрядные действия священников внутри алтаря), то постепенно в ходе бытовой ритуализации событий и проникновением процедур в жизнь граница между таинством ритуала и публичностью ритуальных действий стала гораздо прозрачнее. Так, ритуальная коммуникация в виде пышных церемоний приобрела социальную значимость и несла в себе информацию о состоянии (прочности, крепости, незыблемости) власти, которую необходимо знать социуму. Не случайно к церемониям и ритуалам британской монархии приковывается внимание всех жителей государства, поскольку торжества, связанные с королевой Елизаветой и ее семьей, служат своеобразным индикатором благополучия всей страны. В то же время решение важных межгосударственных проблем может потребовать минимальной публичности и афиширования, как, например, встречи в рамках протокола глав государств один на один.

Таким образом, выбор степени открытости / закрытости формата общения зависит от коммуникативных интенций самих коммуникантов – участников ритуальной коммуникации.

Во-вторых, *успешность коммуникации во многом (если не вообще) зависит от конвенционального согласия использовать в процессе коммуникации общие семиотические законы и смысловые инструменты.* В коммуникацию вовлекается целый (и весьма обширный) репертуар знаков и символов. При этом по большей части в ритуальной коммуникации присутствуют знаки невербальные, доминирующие над вербальными знаками. Прав Г.Г.Почепцов, когда утверждает: «Ритуал реализует (в отличие от литературы – А.О.) обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [Почепцов, 2001, 15]. Невербальные знаки и символы, говорящие сами за себя и приписывающие некую таинственность (торжественность, сакральность) происходящему, будь они изъятые из коммуникации, сделают такую коммуникацию обыденной и приведут к печальным результатам. В самом деле, странно выглядели бы переговоры на высшем уровне, которые проходили бы, скажем, на кухне Белого Дома. Отсутствие флага страны высокопоставленного гостя на флагштоке резиденции принимающего главы государства может оскорбить национальные чувства целого народа, который данный гость представляет. В дипломатии известны случаи, когда неточное исполнение гимна иностранной державы вызывало ноты протеста на уровне посольств.

Как нам представляется, внутри ритуальной коммуникации сформировалась обширная и жестко фиксированная в ходе истории коммуникации система знаков и символов, реализующих функцию визуальной презентации конвенционального согласия на контакт между социальными группами, подержанную языковыми знаками соответствующей ритуальной природы. Мы полагаем, что можно выделить три обширные группы знаков, которые номинируют коммуникативную ситуацию, характерную для ритуальной коммуникации. *Эта коммуникативная ситуация отражает принадлежность субъектов к социальной конвенции и выполнение ими последовательности требуемых конвенцией правил идентификации такой принадлежности.* К знакам же, номинирующим данную коммуникативную ситуацию и складывающимся в целую концепт-

систему, относятся *знаки-регулятивы*, *знаки-процессивы* и *знаки-классификаторы*. Рассмотрим подробнее эти группы знаков.

1) К *знакам-регулятивам* относятся знаки, определяющие конвенциональную успешность ситуации ритуальной коммуникации. Это знаки, которые: а) определяют собственно участников ритуала (*знаки-персоналии*); б) регламентируют количество и достаточность участников ритуала (*знаки-квантификаторы*); в) приписывают роль участнику ритуала и определяют последовательность исполнения этой роли (*ролевые знаки*); г) закрепляют за участником и номинируют символический инструментарий, по необходимости используемый участником в ритуале (*знаки-инструменты* и *знаки-символы*); д) детерминируют локализацию участников в ритуальном пространстве и закрепляют за каждым участником его место в ритуальной коммуникации (*знаки-локативы*); е) характеризуют, описывают и регламентируют внешний вид участников ритуала (*знаки-дескрипторы*).

2) *Знаки-процессивы* в семиотической системе ритуальной коммуникации номинируют и характеризуют собственно ритуальные действия и поступки участников. В задачи процессивов входит жесткая структурация хода ритуальной коммуникации от начала до завершения. Данная группа знаков также выполняет регулирующую функцию (каждому участнику ритуала предписано поступать соответственно конвенционально принятым правилам поведения и сообразно приписанным участникам ролям), однако от первой группы их отличает наличие процессуальных характеристик, которые придают ритуалу меньшую жесткость по сравнению с знаками-регулятивами, у которых таких характеристик попросту не имеется.

3) В группу *знаков-классификаторов* включены нами знаки, которые а) направляют ритуальную коммуникацию поэтапно в нужное русло, к завершению ее определенного этапа, и б) специфицируют поведение участников ритуала сообразно их социальной, статусной или национальной принадлежности. Это, с одной стороны, знаки, знаменующие собой границы этапов ритуала (исполнение гимна страны в начале и конце торжественного заседания, колокольный звон по окончании церковной службы, аплодисменты в кульминационных моментах произнесения инаугурационной речи Президента, вставание при появлении важной персоны), а с другой

– знаки, распределяющие участников ритуала по поведенческим группам (в дипломатическом протоколе, например, участник – администратор или церемониймейстер – публика – пресса – группа встречающих или провожающих – эскорт – телохранители – геральдический наблюдатель – распорядитель во время приема), статусным группам (хозяин – гость) и национальным группам (лидер страны – посол, представитель посольства как носители чужой культуры).

В-третьих, *успешность ритуала зависит от правильной структуризации ситуации коммуникации (сценарность)*. Структуризация ситуации коммуникации подчиняется определенному алгоритму, который состоит из следующих шагов: 1) определение списка участников коммуникативной ситуации; 2) определение места и времени ситуативного события (структуризация ритуального пространства); 3) определение функций и ролей участников ситуации ритуальной коммуникации; 4) определение и закрепление за участниками необходимых для коммуникации признаков и характеристик дескриптивного характера; 5) определение задач коммуникации; 6) прогнозирование хода коммуникации и определение последовательности коммуникативных действий; 7) прогнозирование результата коммуникации; 8) опциональное прогнозирование действий в случае неуспешности коммуникации; 9) обеспечение рекурсивности ситуации ритуальной коммуникации (возможности ее повторяемости в будущем как устоявшийся ритуал).

После того, как определен сценарий ритуальной коммуникации, ее участники должны определиться с регламентом своего поведения внутри коммуникативной ситуации – драматизировать ее. В-четвертых, таким образом, успешность ритуала предопределяет *структуризация ритуального поведения (драматизация)*.

Социальная деятельность представляет собой процесс адаптации к среде существования, т.е. подпадает под признаки информационно-направленной активности. Способность к информационному поведению становится реальной активностью лишь тогда, когда цели поведения имманентны действующей системе, принадлежат ей самой.

Главнейший признак деятельности следует искать в характере ее регулятивных процессов. Деятельность представляет собой информационно направленный процесс, предполагающий способность адаптироваться в среде, способность к информационному прогнозированию динамики среды. Способность человека стратегически продумывать свои действия, обобщать эмпирически данную информацию расширяет границы и возможности его деятельности. Систематическая рассудочность мышления, контролирующая каждый шаг в логических построениях, сочетается с теми реакциями, в которых отсутствует поэлементная регуляция и контроль («интеллектуальные навыки»). Эти реакции представляют собой специфически социальный способ сознательного использования рефлексивных форм поведения.

Межличностные отношения – это поступки и ответная реакция на них. Они регулируются *нормами* и *правилами*, принятыми в обществе. Каждая конкретная поведенческая ситуация, в которой оказывается человек, проходит через сложный механизм «сличения» с «правильным» или «должным». Собственное поведение человека в ситуациях общения зависит от усвоенных норм и *эталонов*, ограничено или направлено ими.

Рассуждая о коммуникативном ритуальном поведении, таким образом, никак нельзя пройти мимо чрезвычайно важного концепта «*норма*», на базе которого собственно выстраивается психологическая система поведения. Этот концепт всегда находился в зоне пристального внимания как психологов, так и лингвокультурологов. Этот интерес понятен, ибо, как отмечает Н.Д.Арутюнова, «понятие нормы приложимо ко всему, что служит интересам человека» [Арутюнова, 1992, 75]. Термин «норма» использовался для обозначения всех видов и форм порядка, не только естественных форм природы, но и созданных человеком правил и законов.

Как совершенно справедливо пишет Е.В. Бабаева, «понимание нормы остается довольно стабильным, несмотря на ее применение к различным сферам жизни человека. Значение данного слова, определяемое в словаре В.И.Даля как ‘общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях; образец или пример’, практически не изменилось» [Бабаева, 2001, 99].

«Нормальность» поведения в общении предопределяется жестким закреплением в самом поведении неких правил, нарушение кото-

рых повлечет за собой его «анормальность», и, соответственно общение может прерваться или быть нарушено. В каждой культуре и в каждом обществе имеются свои особые нормы – правила приемлемого или ожидаемого поведения. Особое место занимают нормы невербального этикетного общения, которые являются в большой степени показателем статусно-ролевых характеристик партнеров по коммуникации. Этикетные и ритуальные прикосновения, объятия, рукопожатия и поцелуи в межличностном общении занимают особое место в силу особой эмоциональной насыщенности этих форм взаимодействия. Совместное принятие пищи (этикет и ритуализация трапезы) как ритуал скрепления связей, объединения интересов, создание иллюзии неуязвимости и веры в этичность группы имеет давнюю историю, характеризуется как стабильностью стереотипов огруппления мышления, так и чрезвычайной мобильностью набора конкретных правил поведения. Застольный этикет, символика стола создают иллюзию единомыслия, а самоцензура и конформизм не дают этому консенсусу разрушиться.

Осмысленное поведение человека, сложные формы совместного человеческого поведения складываются из множества простейших явлений этой деятельности, актов социального действия, в которых человек опосредует свою связь с другими людьми. Условием существования человека является его кооперация с другими людьми и координация их взаимной деятельности. Ритуал в виде, например, этикета или церемонии, как форма координации взаимодействия людей, таким образом, есть одна из жизнеобеспечивающих человеческих потребностей.

Определение общего кода поведения в коммуникации при совершении ритуальных действий должно будет подчиняться следующим максимам: 1) делай, как должно и поступай, как предписано; 2) нарушай предписанное, если оно противоречит обоюдной выгоде участников коммуникации; 3) улучшай предписанное, если это способствует получению обоюдной выгоды сторон в их коммуникации; 4) учти интересы противоположной стороны, но не во вред своим интересам; 5) уступи в малом, чтобы достичь цели в большом; 6) прими чужой обычай как

свой, если это не противоречит твоему обычаю.

Иными словами, структура ритуального поведения зависит от того, насколько велика степень конвенциональности в общении. Здесь, разумеется, имеются свои коммуникативные регуляторы и лимитаторы. Они носят, главным образом, религиозный и национальный (кросс-культурный) характер. Знание этих лимитаторов и регуляторов участниками ритуальной коммуникации, безусловно, способствует увеличению степени конвенциональности и успешности собственно коммуникации. Сопряжению норм разных культур посвящено колоссальное количество работ по этнографии поведения, однако, максимально эти лимитаторы представлены в работах Ричарда Д.Льюиса (см., например, [Lewis, 1996]). Главная идея этой работы заключается в том, что знание репертуара таких лимитирующих общение компонентов, как вербальных, так и невербальных, способно сократить или вовсе ликвидировать «коммуникативный разрыв». Под последним Ричард Д.Льюис понимает «недостаток взаимопонимания между представителями разных культур, объясняющийся различием в языке, культурных и прочих установках» [Lewis, 1996, 250].

Конвенциональность в ритуальном поведении проявляется прежде всего в обоюдном согласии на то или иное ритуальное действие или взаимодействие. Там, где ритуальное действие невозможно в силу его специфичности или его национально-культурной или религиозной неприемлемости, поведенческая конвенция предполагает ликвидацию коммуникативного разрыва путем «сглаживания коммуникативных границ», т.е. молчаливого и обоюдного согласия такое действие проигнорировать (default ignorance). Так, например, посещение дипломатическим представителем христианского вероисповедания ритуального богослужения в стране, где принято жертвоприношение во время такого религиозного акта, невозможно, поэтому стороны, прекрасно понимая эту неприемлемость и в то же время сталкиваясь с приписываемым церемониалом правилом обязательного присутствия диппредставителей на подобных ритуалах, находят компромиссные варианты уклонения от такой щекотливой ситуации: церемониймейстер публично сообщит о болезни дипломата или его отсутствии в стране пребывания.

С другой стороны, готовность к принятию того или иного ритуально-коммуникативно-

го действия, наоборот, снимает лимитирующие коммуникацию компоненты. Все зависит от когнитивного осознания пределов дозволенности нарушения собственных поведенческих установок. В любом пособии по этикету можно обнаружить целый список коммуникативных ритуальных ситуаций, специфицирующих и регламентирующих поведение носителя чужеродной культуры в культуре страны пребывания (см., например, [Post, 1984]). Важной особенностью такого набора типовых ситуаций является их семиотическая и символическая насыщенность. Как правило, основой такой насыщенности является табуированность / дозволенность поведенческих реакций и задействованных в коммуникацию ритуальных действий и объектов. Это прежде всего касается жестов, ритуальной символики и предметов, с ней связанных, а также поступков коммуникантов во время течения самой коммуникативной ситуации.

Ритуальное поведение весьма привязано к типу общающихся между собой культур. В этой связи очень важно упомянуть о классификации характерных поведенческих типов народов разных культур, предпринятую Ричардом Д.Льюисом. Льюис предлагает для типизации культур такой способ организации объективного измерения реальности, как время. По нему культуры делятся на три типа: *моноактивные* (или линейно организованные), *полиактивные* и *реактивные*. В моноактивной культуре человек приучен делать какое-либо дело, разбивая деятельность на следующие друг за другом этапы, не отвлекаясь на другие задачи. Типичными представителями такой культуры являются ангlosаксы: американцы, англичане, немцы, северные европейцы, методично, последовательно и пунктуально организующие свое время и деятельность. В культуре полиактивной, типичными представителями которой выступают латиноамериканцы, южные европейцы, принято делать одновременно несколько дел (заметим попутно, нередко не доводя их до конца). Наконец, в реактивной культуре, характерной для азиатских стран, деятельность организуется также не по строгому и неизменному плану, а в зависимости от меняющегося контекста, как реакция на эти изменения.

В соответствии с отнесенностью к той или иной культуре поведенческие типы субъектов детерминируют как обыденную деятельность, так и деятельность ритуального свойства, а стало быть – и способы общения между собой (ритуальную коммуникацию). Разные типы по-разному структурируют коммуникативную ритуальную ситуацию. Так, моноактивные культуры более ригидны при исполнении ритуала вследствие поведенческого стремления к планированию и неуклонному исполнению процедур. В самом деле, именно в христианской религии и дипломатии Запада мы обнаруживаем строгое описание как религиозных церемоний, так и церемоний, которые надлежит исполнять при монарших дворах. Кстати говоря, именно в недрах западной культуры возникли понятие «протокол» и «этикет» [Тайлор, 1989], [Фрэнгер, 1980]. Диалог как доминирующая форма коммуникации изначально присутствовал именно в ритуальных формах последней: катехизисный (вопросно-ответный) жанр преобладал именно в ритуальных описаниях как церковных, так и светских церемоний. В этой связи стоит упомянуть о дипломатическом протоколе западных стран (в том числе и об объекте нашего исследования – протоколе США) как строго спланированных, драматизированных и жестко закрепленных нормах поведения дипломата.

Представители полиактивной культуры по большей части игнорируют порядок, предпочитая карнавализацию существования [Бахтин, 1986]. Ритуальная коммуникация в таких условиях носит поверхностный и малофиксированный характер. Небрежение формальной (ритуальной) стороной общения, возможно, потому и приводит к политической нестабильности в странах латинской Америки, и, соответственно – к прочим видам социальной нестабильности.

Поведенческий тип реактивной культуры характеризуется гибким отношением к ритуальному коммуникативному поведению. Ритуальная коммуникация внутри реактивной культуры носит закрытый и чрезвычайно зашифрованный характер: западный человек может только созерцать красоту чайной или любой другой китайской (японской) церемоний, однако постичь до конца смысл манипуляций с артефактами, задействованными в ритуал, он не в состоянии. В то же время интервенция носителей реактивной культуры в чужеродные ей культуры весьма агрессивна и успешна. Соответственно, вос-

точный поведенческий тип легко постигает смысл ритуала чужой страны, что происходит благодаря упорному и длительному анализу и интеллектуальному наблюдению.

Таким образом, пользуясь критерием Ричарда Д.Льюиса, можно выделить три типа структуризации ритуального поведения: 1) **моноактивный**, при котором поведение субъектов ритуала жестко привязано к целям коммуникации и направлено на успешное завершение прежде всего формальной (процедурной) стороны коммуникации, поскольку участники полагают, что успешность коммуникации ритуального порядка напрямую зависят от четкого исполнения процедур; 2) **полиактивный**, определяющий поведение коммуникантов как спонтанное, не привязанное жестко к процедурам и не подверженное формальному планированию, при этом ориентированное скорее на личностные отношения с партнерами по коммуникации, чем на соблюдение формы общения; 3) **реактивный**, ориентирующийся на саму ситуацию коммуникации и корректирующий поведение в зависимости от реакции партнера по коммуникации и развития самой ситуации с четким соблюдением своих интересов и стремлением к результату, выгодному для себя.

4) *Обмен прецедентными текстами.*

Помимо доминирующих в ритуальной коммуникации невербальных компонентов важное место занимают в ней компоненты вербальные; они представлены в коммуникации как прецедентные тексты. Прецедентный текст всегда формирует концепт, т.е. социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Любой текст, формирующий коллективный концепт, является прецедентным по определению [Слышкин, 2000].

В ритуальной коммуникации процедурная сторона как раз опирается на прецедентный текст, многократно воспроизведенный и концептуально «отвердевший». В пространстве ритуальной коммуникации важнейшим фактором успешности коммуникации является транспортировка сообщения – message transfer. Прецедентный текст есть оболочка этого сообщения, обмен ими закладывает основу определения общего кода коммуникации.

В системе дипломатической коммуникации существует своя подсистема прецедентных ритуальных текстов, обмен которыми делает возможным собственно существование самой системы дипломатии. Они существуют как в письменной, так и в устной форме. Такими текстами являются, например, протокольные тексты клятвы лидеров стран в момент совершения инаугурационной церемонии, тексты национальных гимнов, тексты молитв на торжественных обедах, произносимые главой государства или главой официальной церкви (в ряде стран), паремиологические тексты – пословицы, поговорки, цитаты и аллюзии, используемые лидерами стран в переписке с коллегами или в публичных выступлениях; наконец, библейские сюжеты и сюжеты Евангелия, широко известные религиозные и философские притчи, подбираемые на злобу дня и для иллюстрации политического момента.

Прецедентный текст настраивает аудиторию ритуальной коммуникации на особый лад, вводит коммуникантов в общий канал связи, обеспечивает когнитивное единство и дает возможность определить систему кодов, взаимное использование которых обеспечивает коммуникантов информацией о том, в какой последовательности им необходимо поступать в дальнейшем поле общения.

Таким образом, драматургия ритуальной коммуникации может быть представлена в виде следующей модели совершения ритуальных действий. Вначале совершаются действия по определению семиотического пространства ритуальной коммуникации: ритуал локализуется и обрамляется временными границами. Пользуясь аналогией шахматной игры, определяется количество клеток на шахматной доске и время проведения самой игры, лимитированное правилами. Затем происходит «расстановка фигур на доске» – совершаются действия по определению участников ритуала и их расстановке с четким соблюдением иерархии обязанностей и компетенции («король – ферзь – конь – тура – слон – пешка»). На следующем этапе семиотизируется дескриптивная сторона ритуала, т.е. выстраивается модель поведения каждого его участника, регламентируется внешний вид участников и определяется прецедентность вербального компонента ритуала. Наконец, происходит сверка определенных одной стороной коммуникации своих ритуальных действий с предполагаемыми

действиями противоположной стороны, уточняется соответствие своих действий с нормами, распространяющимися на действия противоположной стороны. Создается норма действий, приемлемая для обеих сторон коммуникации.

От начала диалога ритуальная коммуникация приобретает более информативный и вариативный характер, в то время, как формализованная сторона коммуникации отступает на второй план, при этом все еще сохраняя границы формы. Вербальный компонент как наиболее вариативная часть ритуала все равно лимитирован максимумами возможного и невозможного: степень вариативности определяется как нормами конвенции общения, выработанными обеими сторонами, так и уровнем компетенции участников коммуникации. Посол скажет ровно столько, сколько он имеет право сказать в границах, дозволенных ему инструкциями главы государства. В общении официальных лиц с прессой существует такая ритуализованная форма отказа от общения, как «no comments».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. - М.: Наука, 1992.
2. Бабаева Е.В. Понятие нормы в системе культурно-языковых концептов // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. – Сб. научн. тр. – Вып. 2. – Волгоград: Политехник, 2001
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986
4. Володина Л.В. Ритуальная коммуникация // Ритуальное пространство культуры. – Материалы международного форума 26 февраля – 7 марта 2001г. – Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
6. Почетцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл Бук Ваклер, 2001
7. Ритуальное пространство культуры. – Материалы международного форума 26

- февраля – 7 марта 2001г. – Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001
8. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000
9. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. (Библиотека атеистической литературы) Пер. с англ. – М.: ИПЛ, 1989
10. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М.: ИПЛ, 1980
11. *Чертов Л.Ф.* Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство во культуры. – Материалы международного форума 26 февраля – 7 марта 2001г. – Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001
12. *Lewis Richard D.* When Cultures Collide: Managing Successfully across Cultures. – London: Nicholas Brealey Publishing, 1996
13. *Post Elizabeth L.* Emily Post's Etiquette, A Guide to Modern Manners. - Harper and Row Publishers, N.Y. 1984

RITUAL COMMUNICATION OBSERVED THROUGH LINGUISTICS AND SEMIOTICS (DRAMATURGY OF RITUAL DISCOURSE)

© 2004 A.V.Olyanitch

Volgograd State Pedagogical University

The paper dwells on the analysis of linguistic and semiotic parameters of ritual communication. Ritual event and its structuring within the individual behavior are observed. Specific features of ritual-meaningful communication elements verbalization within the ritual discourse are analyzed alongside with the study of verbal and non-verbal communicative means specter.